

Эли Малахии Данн Дапологии

А эта дьявольская тварь — моя*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я сама поражаюсь, что эта книга еще переиздается, хотя после первой ее публикации прошло более четверти века. Придется все-таки сделать одно запоздалое признание. Я не собиралась называть роман «Любовь гика». Это была просто шутка, чтобы отмахиваться от вопросов, о чем я пишу. Предполагалось, что ответ охладит пыл любопытствующих и им не захочется расспрашивать дальше. Фраза намеренно резкая и корявая, с липко-слащавой сентиментальной «любовью» и намеком на извращение.

Но если по правде, мне всегда нравилось слово «гик». В 1980-х годах, когда я работала над романом, данное слово имело иное сленговое значение по сравнению с нынешним. Это было жестокое, обидное обозначение человека с дефектами личности и ярко выраженной социальной недостаточностью. Тогда, как и сейчас, оно заключало в себе намек на некую темную, тайную манию, а также на непреходящую угревающую сыпь, никудышную гигиену и личные склонности, малоприятные для окружающих. За прошедшие десятилетия смысловая нагрузка слова переменялась. Но в своей книге я употребляю его в самом первом, исконном значении. Настоящие гики — цирковые артисты определенного жанра. Обычно их представляли как дикарей или психически больных людей, которые на своих выступлениях откусывали головы живым курам. Иногда

* У. Шекспир. Буря. Действие V, сцена 1. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вместо кур брали крыс, змей и других животных, но самыми распространенными жертвами были все-таки куры.

Вероятно, слово «гик» происходит от немецкого *geck*, что означает «дурак», или голландского *gek* — глупец или безумец. Но мне больше нравится ономастопоэтическая, или звукоподражательная, теория. Я не раз наблюдала за курами, умиравшими насильственной смертью, и точно знаю, что слово «гик» напоминает звук, который они издают перед смертью.

Порой шутки начинают жить собственной жизнью. За десять лет, ушедшие на написание романа, я так часто повторяла эту конкретную шутку, что «Любовь гика» вьелось мне в мозг как рабочее название. Мать в ожидании ребенка иногда дает забавное имя своему растущему животу — например, Тыковка, Пуговка, Звездочка или Комочек, — при этом перебирая в уме настоящие человеческие имена, чтобы выбрать самое подходящее и наградить им ребенка, когда тот родится на свет. Так же и я собиралась дать своей книге полноценное и благозвучное название по окончании работы. Идеальное название должно быть кратким, но выразительным, и начинаться на букву «Т».

Почему именно «Т»? Причину надо искать в моем страстном юношеском увлечении историей Европы. Я много читала по данной теме и однажды наткнулась на мысль, что Аттила, правитель гуннов, пользуется незаслуженно дурной славой. Обычно историю пишут победители, однако воины Аттилы не владели писательским мастерством, а побежденные являются людьми образованными, словоохотливыми и язвительными. Мне подумалось, будет забавно подобрать такие названия для своих книг, которых я напишу немало (в чем я не сомневалась), чтобы каждое начиналось с соответствующей буквы, и потом эти буквы сложились бы в имя Аттилы. Это будет такой выразительный жест, дань уважения через века. В приступах оптимизма

я размышляла о том, что у меня, может, даже получится добавить к «Атилле» еще и «гунна». Не помню, мечтались ли мне о «Биче Божьем». Хотя нет, я бы столько не выпила.

Мне представлялась такая картина: пройдет сто лет или больше, и какому-нибудь помощнику младшего библиотекаря поручат разобрать заплесневелые фонды в дальнем подвале, куда никто не заглядывал много лет, и он случайно наткнется на стопку моих отсыревших книг. Выстроит их на полке по дате публикации и заметит, что первые буквы названий складываются в Атилу. Он улыбнется и продолжит работу. Так мне виделась моя цель: этот краткий, удаленный во времени миг, когда кто-нибудь поймет мою шутку.

Возможно, кому-то покажется, будто подобная цель мелковата для дела всей жизни, но так уж я для себя решила. И делала определенные успехи. Мой первый роман назывался «Чердак» (Attic), потом был «Грузовик» (Truck). Под вторую «Т» я написала роман «Жаба» (Toad), но он тихо умер при рождении. Все-таки полагая «Жабу» жизнеспособной, я приступила к четвертой книге под названием «Изыскание» (Inquiry), и тут меня захватила идея, которая вылилась в «Любовь гика» (Geek Love), и я целиком погрузилась в работу, забросив все остальное.

Так сбились все планы. Закончив книгу, я не сумела придумать ни одного подходящего названия на букву «Т». Конечно, легко закатить глаза и сказать: «Ну, сделала бы просто “Гик” (The Geek). Но подобное название исказило бы читательское восприятие, смещая акценты и обрубая все прочие компоненты истории. По крайней мере, мне так казалось.

Вероятно, после стольких лет жизни, отданных этой книге, рабочее название впечаталось в каждую клеточку моего серого вещества. Наверное, усталость или неминуемая печаль от расставания с законченной книгой притупила мне мозг. В общем, я не сумела придумать

название лучше, не говоря уж о том, чтобы оно начиналось с «Т».

Книга вышла под названием «Любовь гика». Мне до сих пор обидно, что грандиозные планы с Аттилой разбились об эту упрямую «К». Но в этом — и во всем остальном — не виноват никто, кроме меня.

Кэтрин Данн
Бухта Пайпс, октябрь 2014

КНИГА I

ПОЛУНОЧНЫЙ САДОВНИК

Глава 1

Счастливая семья: его слова, ее зубки

— Когда ваша мама была гиком, мои причудки, — говорил папа, — она превращала свои представления с откусыванием куриных голов в настоящее хрустальное чудо, и сами куры к ней льнули, танцевали вокруг, замороженные, вожделеющие. «Раскрой свои губки, сладкая Лил, — кудахтали они, — покажи нам свои зубки!»

В этом месте Хрустальная Лил, наша светловолосая мама, уютно расположившаяся на диване, где по ночам спал Арти, посмеивалась в шитье у себя на коленях и качала головой.

— Ал, не морочь детям головы. Куры носились как оглашенные.

Это происходило дождливыми вечерами, в дороге между представлениями и городами, на какой-нибудь площадке для кемпинга или просто придорожной поляне, где останавливался на ночевку бродячий цирк «Фабьюлон Биневски», и мы себя чувствовали защищенными в нашем передвижном поселении.

Предполагалось, что после ужина, сидя с набитыми животами при свете лампы, все семейство Биневски будет читать и учиться. Но если на улице шел сильный дождь, папа впадал в разговорчивое настроение и предавался воспоминаниям. Стук дождя по металлической крыше нашего большого фургона отвлекал его от газет. Дождь в дни представлений был катастрофой. Дождь в дороге означал беседу, а поговорить папа любил.

— Как жаль, Лил, — вздыхал он, — что наши дети видят лишь убогих гиков из Йеля, что подвизаются тут на лето.

— Из Принстона, дорогой, — мягко поправляла его мама. — Осенью Рэндалл переходит на второй курс. Как я понимаю, это наш первый студент из Принстона.

Мы, дети, чувствовали, что наша история скатывается к обсуждению повседневных проблем. Арти толкал меня локтем в бок, и я произносила за всех:

— Расскажи, как мама была гиком!

Арти, Элли и Ифи, Цыпа и я усаживались на полу между папиным креслом и мамой. Мама делала вид, будто ее увлекает шитье, а папа щипал себя за усы и шевелил кустистыми бровями, изображая задумчивость.

— Ну... — начинал он с притворной неохотой, — это было давным-давно...

— До того, как мы родились?

— До того, как вы родились. — Папа взмахивал рукой в своей импозантной манере шпрыхштальмейстера. — Еще до того, как я вас придумал, мои причудки!

— Тогда меня звали Лиллиан Хинчклифф, — вступала в разговор мама. — И когда ваш отец обращался ко мне, а это бывало редко и неохотно, он называл меня «мисс».

— Мисс! — хихикали мы.

А папа громко шептал, словно мама его не слышала:

— Я страшно боялся! Был сражен, так влюблен, что заикался, когда заговаривал с ней. «Мы-мы-мисс...»

Мы заливались смехом при мысли, что папа, великий говорун, был таким робким.

— Разумеется, я обращалась к вашему папе «мистер Биневски».

— И вот, значит, я, — продолжал папа, — с утра пораньше беру шланг и вымываю кровь, пух и перья из гиковского шатра. Как сейчас помню, дело было третьего июля. Я радовался, что заказал замечательные афиши для нашего гика, и предвкушал, как публика валом повалит на представление. На выходных на Четвертое июля народ жаждет веселья, и билеты расходятся, как горячие пирожки, а в том году у меня был отменный, могучий гик. И работал с душой, вот что важно. В общем, я поливаю из шланга арену, очень до-

вольный и гордый собой, и тут входит ваша мама, вся такая воздушная, как безе, и говорит, что мой гик нынче ночью сбежал, как говорится, свернул шатер, сел в такси и умчался в аэропорт. Оставил записку, что его отец захворал, и ему — в смысле, гик — надо срочно вернуться домой в Филадельфию и взять на себя управление семейным банком.

— Брокерской конторой, — поправляет мама.

— И вот ваша мама, мисс Хинчклифф, стоит передо мной, вся такая воздушная, нежная барышня, и я даже выругаться не могу! И что мне делать? Афиши с гиком уже развешаны по всему городу!

— Это было во время войны, мои сладкие, — замечает мама. — Какой именно, я забыла. Вашему папе тогда было трудно найти работников, иначе он никогда бы не взял меня в цирк, даже делать костюмы. При моем-то отсутствии опыта.

— И я стою, одурманенный ароматом духов мисс Хинчклифф, ее «Полуночным марципаном», и у меня ум за разум заходит, глаза в кучу от дум. Я не мог сам заменить сбежавшего гика, потому что уже выполнял двадцать разных работ. Я не мог попросить укротителя Хорста, потому что, во-первых, он был вегетарианцем, а во-вторых, он сломал бы себе все зубы о первую же куриную шею. И тут ваша мама мне говорит таким ангельским голоском, словно предлагает пирожные и херес: «Я могу выступить за него, мистер Биневски», — и я чуть было штаны не испачкал от такого-то поворота.

Мама ласково улыбается, глядя на свое шитье, и кивает.

— Мне хотелось доказать, что я могу кое-что сделать для цирка. Я тогда пробыла в «Фабьюлоне» всего две недели и хорошо понимала, что я у них на испытательном сроке.

— И я ей говорю, — перебивает папа, — я говорю: «А как же, мисс, ваши зубы?» Имея в виду, что она может их повредить, поломать, а она улыбается — вот как сейчас — и отвечает: «Я думаю, они достаточно острые!»

Мы смотрим на маму. У нее ровные белые зубы. Хотя, конечно, к тому времени все они были уже искусственными.

— Я посмотрел на ее тонкую, хрупкую челюсть и аж застонал. «Нет, — сказал я. — Я не могу вас просить...» Но мне вдруг пришло в голову, что белокурая красавица гик, да еще и с ногами... в смысле, с такими ногами... явно не повредит нашему цирку. Я в жизни не слышал про девушек-гиков, но уже представлял афиши. А потом снова сказал себе: «Нет... нельзя, чтобы она...»

— Ваш папа не знал, что я часто наблюдала за выступлением нашего гика и дома помогала Минне, нашей кухарке, когда она забивала птицу к столу. Я его зацепила. У него не было выбора, кроме как дать мне возможность показать себя в деле.

— Но я боялся до рези в желудке, когда в тот же день началось ее первое представление! Боялся, что ей станет противно и она сбежит домой в Бостон. Опасался, что у нее ничего не получится и разъяренная публика станет требовать деньги назад. Боялся, что она может пораниться... А вдруг курица клюнула бы ее в глаз или оцарапала ей лицо? Курицы, они такие.

— Я и сама волновалась, — кивает мама.

— Народу собралось изрядно. Была суббота, а воскресенье — уже Четвертое июля. Я сам носился весь день, как укушенная курица в гиковском балагане, у меня было время лишь на пару секунд заглянуть в шатер, а потом я встал на входе зазывать публику. Ваша мама была как прелестная бабочка...

— На самом деле, я выступала в лохмотьях. Белого цвета, поскольку на белом хорошо видна кровь даже в темном шатре.

— Но это были такие изящные лохмотья! Низкий вырез, разрез до бедра! Все летящее, шелковистое! В общем, я сделал глубокий вдох и отправился зазывать народ на представление. И публика повалила. Там было много солдат. Я еще продавал билеты, и тут изнутри донеслись крики и свист, улюлюканье и громкое топа-

нье, что привлекло еще больше людей. В конце концов я посадил на кассу парнишку, который продавал попкорн, а сам пошел посмотреть, что происходит.

Папа улыбался маме и крутил ус.

— Никогда этого не забуду, — говорил он со смехом.

— У меня не получалось убедительно рычать и щериться, поэтому я пела, — пояснила мама.

— Развеселые немецкие песенки! Высоким, тоненьким голоском!

— Франц Шуберт, мои дорогие.

— Она порхала, как грациозная пташка, а затем схватила первую курицу, и никому даже не верилось, что она сможет хоть что-то сделать. А когда ваша мама без лишних раздумий откусила ей голову, курице, публика просто пришла в неистовство. Подобного не бывало нигде. Такого изящного поворота запястья, вампирского щелчка зубами над птичьей шеей, столь артистичного подхода к крови, будто это не кровь, а шампанское. Ваша мама потрянула светлыми волосами, искрившимися, как звездный свет, выплюнула откушенную куриную голову, так что та улетела в угол, а потом разодрала птичью тушку своими аккуратными розовыми ноготками, подняла еще трепетавший труп, словно золотой кубок, и стала пить кровь! Убитая курица еще трепыхалась, а ваша мама пила ее кровь! Она была неподражаема, великолепна. Клеопатра! Эльфийская королева! Вот кем была ваша мама на арене гиковского шатра.

— На ее представления публика валила валом. Мы построили еще больше зрительских трибун, перевели ее в самый большой шатер на тысячу сто зрительских мест, и там всегда был аншлаг.

— Было забавно, — улыбалась Лил. — Но я знала, что это все-таки не мое истинное призвание.

— Да. — Тут папа вдруг умолкал и хмурился, глядя на свои руки.

Чувствуя, что папино настроение поговорить иссякает, один из нас, из детей, обращался к маме:

— А что заставило тебя уйти?

Она вздыхала, смотрела на папу из-под тонких ниточек-бровей, потом опускала взгляд на пол, где мы сидели, сбившись в кучу, и тихо произносила:

— Я с детства мечтала летать. В Абилине к цирку присоединились воздушные акробаты, итальянцы, целое семейство, и я упросила их научить меня. — Теперь она обращалась уже не к нам, а только к папе: — Знаешь, Ал, если бы я тогда не упала и не поломалась, ты, наверное, так и не решился бы сделать мне предложение. Где бы мы сейчас были, если бы я тогда не сорвалась?

Папа кивал:

— Да, да, но я же поставил тебя на ноги, в прямом смысле слова, ведь правда?

Но его лицо застывало, улыбка гасла, а взгляд устремлялся к афише на раздвижной двери в их с мамой спальню. Старая посеребренная бумага, очень дорогая, а на ней — наша мама с ее ослепительной улыбкой и ладной, точеной фигурой, усеянной блестками, стоит на трапедии под куполом цирка, и поднятые вверх руки в красных перчатках по локоть касаются надписи, выложенной из звезд: «ХРУСТАЛЬНАЯ ЛИЛ».

Папу звали Алоизий Биневски. Он вырос в бродячем цирке, принадлежавшем его отцу и называвшемся «Фабьюлон Биневски». Папе было двадцать четыре года, когда дедушка умер и цирк перешел в его руки. Ал бережно водрузил серебряную урну с прахом отца на капот грузовика с передвижным генератором, питавшим энергией маленький парк развлечений при цирке. Старик столько лет путешествовал с цирком, что было бы несправедливо оставлять его прах в каком-нибудь стационарном склепе.

Времена были тяжелые, и — вовсе не по вине юного Ала — дела у цирка ухудшились. Через пять лет после смерти дедушки когда-то преуспевающее предприятие пришло в упадок. Тяжкой ношей для цирка был стареющий лев, который с завидным упорством грыз прутья клетки и постоянно ломал дорожные вставные зубы.

Толстая дама, чье питание было отдельно оговорено в контракте, требовала прибавки к жалованью на продуктовый прожиточный минимум. Плюс к тому все семейство эротоманов-зоофилов отбыло в неизвестном направлении под покровом ночи, прихватив с собой датского дога, осла и козу.

Вскоре и толстая дама расторгла контракт и устроилась моделью в журнале «Любителям попышнее». Папа остался с уцененным огнеглотателем на солярке и перспективой надолго застрять без единого цента в трейлерном парке под Форт-Лодердейлом.

Ал был типичным янки, самостоятельным и независимым, и в тот кризисный период его предприимчивость и гениальность проявили себя в полной мере. Он решил породить свое собственное шоу уродцев.

Моя мама, Лиллиан Хинчклифф, происходила из утонченной аристократической семьи из самой изысканной части Бостона, однако отвергла свое наследие и сбежала с цирком, мечтая стать воздушной гимнасткой. В девятнадцать лет уже поздновато учиться летать, Лиллиан упала, сломала изящный носик и ключицы. Больше она не решалась подняться под купол, но не утратила страсти к арене и балаганным огням. Именно эта страсть и подвигла ее на то, чтобы ревностно поддерживать замысел Ала. Лиллиан была готова на все, чтобы возродить интерес публики к цирку. К тому же в ней с детства укоренилась идея наследственной уверенности в завтрашнем дне. Как однажды она сказала и говорила не раз: «Лучший подарок, который родители могут сделать своим детям — дать им врожденную способность зарабатывать деньги, просто будучи теми, кто они есть».

Изобретательная пара приступила к экспериментам с запрещенными и рецептурными препаратами, инсектицидами и в конечном итоге — с радиоактивными изотопами. По ходу дела у мамы развилась комплексная зависимость от самых разных лекарств, но ее это не огорчало. Полностью полагаясь на папу, чья находчивость обеспечивала ей средства к существованию,